

Фото Екатерины Боярских.

Тепло и дыхание

Екатерина Боярских,

автор стихов, короткой прозы,
детских стихов и сказок, вольных
переводов поэтических текстов,
Иркутск

Четыре истории

- Колыбельная
- Дети разорвали полиэтилен и читают прозрачные обрывки
- Лотосы
- Пауза

Жизнестойкость — повседневная, повсеместная сила жизни. Жизнь царит не по-царски и торжествует неторжественно, обожествляет самое простое, то грустное и смиренное, то маленькое и радостное. Дети едут с горки, в больничной палате мужчина ночует на двух табуретках — жене сделали операцию. Родители ещё не появившейся на свет девочки импровизируют на двух варганах — они не ищут гармонии, они её создают. Всё это по отдельности — секунды частной жизни. Всё вместе — дыхание и тепло человечества. Тепло и дыхание.

Когда видишь, как жизнь побеждает... А ведь она побеждает всё что угодно, кроме смерти. Страх, горе, одиночество. Это не время лечит — это жизнь побеждает, и деление на проигравших и победителей начинает казаться излишним. Всё становится победой, если хотя бы шаг сделать вонне: старуха кормит голубей, выходит новая книга, один человек просит милостыню, другой подаёт. Это микропобеды, и вместе — макрпобеда. Как бы она ни выглядела для обычного зрения. Не надо смотреть средне, я хочу видеть так, как будто ничего кроме этого сейчас нет. Как будто нет ничего важнее.

Не так уж они жизнестойки. Страшно от хрупкости их, помещённых во время. Но они светятся, и за пением и страданием, победами и поражениями вырастает что-то большее, и «я» на секунду уступает место «мы». Мы появляемся.

Мы живущие.

Мы живые.

Мы жизнь.

Тепло и дыхание

Колыбельная

Тут каждая зима такая длинная и не кончается, такая длинная и пустая, и ни одна ещё не кончилась, они собираются вместе и становятся ещё длиннее. За зиму забываешь всё остальное. Вечером Марта попросила спеть ей песню.

- Какую?
- «Спи, моя мышь любимая».
- Я такую не знаю.
- А я хочу такую.

И я запела, и пела минут двадцать, там было «облако дожждётся разрешенья стать дождём» и «стаи звёзд идут напиться в бесконечный водоём», и то, как дождь идёт вниз, и то, как поезд двухвагонный по воде уходит в даль, я не могла ни запомнить, ни остановить её, она всё пелась и пелась, а потом дождь стал стучать по подоконнику, кошка склонила голову слушать, дождь был, вечный дождь, мышь спала, кошка сидела на подоконнике, я думала — вот вечность, восемь квадратных метров, вот весна, когда хочешь только идти, только бы идти в эту темноту под дождём, и всё кажется слишком близко. Отвернуться сейчас к стене и закрыть глаза до следующего рабочего дня — страшная обида, и я не знаю, кто меня ей обидел. И тут подумала — вдруг у других всё другое, а этого нет, ни дождя, ни подоконника, вдруг вокруг они совсем одни, надо делиться. Возьмите это, больше ничего нет.

Дети разорвали полиэтилен и читают прозрачные обрывки

- У меня письмо! У меня открытка!
- Мне пишут: я тебя люблю. Я хочу всегда тебя видеть.
- Я тебя люблю, только не хочу, чтобы ты ко мне в гости приходила.
- Я тебя люблю, предлагаю тебе придти ко мне в гости.
- Мне чудовище открытку прислало: я не люблю тебя, ты плохая дочь, я хочу тебя разорвать.
- Хоть ты разорви меня, чудовище, я всё равно есть на свете.
- Мне пишет чудовище: я тебя не люблю, я хочу, чтобы не было тебя на свете. Я хочу смерти.
- Мне злая змея письмо прислала: я тебя не люблю, приходи ко мне, я хочу тебя ужалить.
- А мне прислал письмо добрый дракон Магазин.
- А я своё выкину.
- Мне пишут: я тебя люблю.

Лотосы

Старик со старухой садятся в маршрутку. Бабка повязана двумя платками, один поверх другого. Дедушка сделал ей трость. Сверху трость слегка заклеена золотой бумажкой из детского тайника или магазина «Промтовары». Бумага стёрлась в нуль, остался отблеск. В ней дырка, и видно, как там шатается гвоздь, которым дедушка приколачивал короткую, неровно оструганную палку к длинной.

Они едут из одного предместья в другое. Были в гостях. Бабушка выпила, но, кажется, не больше двух рюмок, а дедушка, похоже, что не пил. Он болеет. Ему хочется отдохнуть.

Бабушка хочет поехать в маленький город к сватке Клаве и дедушку зовёт. Дедушка говорит: «Мне бы отдохнуть, хорошо отдохнуть... А так бы я поехал в последний раз». «Не говори при мне слово «последний» больше никогда — я как слышу, сразу так злось, что хочу врукопашную пойти», — сердится бабка. Бабка говорит так, что вся маршрутка замирает. Такую совершенную вербальность я даже у филологов редко встречала. Бабки в теле мало, бабка вся в слове.

У дедушки пять классов образования, он тракторист. Был. Они не смотрят в окно, они смотрят друг на друга. «Ты хочешь ещё раз в школе поучиться?» — спрашивает вдруг бабка. Она не снисходит до сослагательного наклонения. Она прямо спрашивает — хочешь?

— Хочу, — говорит дед.

У них разные внуки и правнуки и, кажется, нет общих детей. Я никогда не узнаю, как и когда они встретились, как их зовут. Дедушка скоро отдохнёт, по нему видно. Не совсем скоро, но уже начало быть видно. Она будет рассказывать о нём, она точно сможет.

Так вот, дорогое мироздание. Если по какой-то случайности, по какой-то чёртовой паршивой оплошности, по какому-то блинскому недоразумению эти двое не родятся в чистой земле из цветов лотоса, то я тебя, дорогое мироздание, из-под земли достану и так наподдам, что ты своих не узнаешь. Мне всё равно, как ты это устроишь. Лотосы. Как минимум лотосы. Я предупредила.

Пауза

Я позвонила в чужую квартиру, дверь открылась на чуть-чуть и никто не выглянул.

Тихо за дверью стоял тихий кто-то, как будто нет его, и я сначала подумала, что там кто-то другой, а потом заглянула.

Там был очень белый дедушка. Он плохо слышал, я громко говорила и показывала руками, а он улыбался и улыбался. Вокруг дедушки было такое, что я вышла и заплакала в подъезде на втором этаже.

И всё поняла про любовь. Вокруг некоторых есть такая сильная любовь, когда к ним подойдёшь, в неё попадаешь и уже не можешь не любить, как нельзя в океане не быть в воде.

И с болезнью так же, подойдёшь и попадёшь в болезнь.

А слова для них можно перепутать, можно поменять.

Вокруг дедушки была такая любовь — если бы она была хором, порвались бы барабанные перепонки, если бы веществом, разнесло бы дом, как пушинку, такая беспощадная, безусловная, беззащитная.

Всё дедушке отзывается, как во сне, его потусторонней улыбке, его слабости и маленьким шагам.

Он живой ещё, у него старые тапочки. В нём кровь по кругу медленно движется. Дверь открывает на два сантиметра всего. Может, боится, остерегается.

Я редко видела, как светится старость. Надо до неё добраться, надо прожить старость, чтобы ещё раз попасть к нему, выйти на этот свет навсегда. Надо помнить, как дедушка улыбается.